

ЭЛЯ НОВОПАШЕННАЯ
АЛЕКСЕЙ ШИШКИН

ЗА ФАСАДОМ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ЕЩЕ 30 ПИСЕМ ОБ ИСТОРИИ
ПЕТЕРБУРГСКИХ ДОМОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Алексея Шишкина	6
Предисловие Эли Новопащенко	8

ЖЕНЩИНЫ В МУЖСКОМ МИРЕ

Как киевлянка, учившаяся в Петербурге, стала символом эмансипации для всего поколения	12
Здесь учились первые в России женщины-архитекторы	24
Невский проспект, 120. Дом Айн Рэнд — литературной иконы и аптекарской дочки из Петербурга	34
Миллионный проект инженера-кутилы. Здесь жила поэтесса, написавшая одну из главных песен белой эмиграции	42
История революционерки Веры Слуцкой и здания с подсолнухами и маками на фасаде, в котором она жила в 1917 году	52

ОКНО В АЗИЮ

Больше 100 лет назад принц Сиам влюбился здесь в русскую девушку. А потом Бортко снимал «Собачье сердце»	66
Отреставрированный дом Вавельберга, где в XVIII веке жили послы из Китая	84
Здесь при дворцовой оранжерее жили Буш, Камерон и потерявшийся в океане японец	102
Здесь жил «тибетский доктор» Николая II	116

ЗВЕРИНЕЦ

Сарай для императорских лам, ставший фотостудией, а затем жилым домом	134
Красносельские ворота в Царском Селе. Все, что осталось от царских слонов	148
Хозяин этого дома подарил Фаберже жирафа. Здесь Врубель встретил демона в гостях у Рериха	156
Одна из пожарных частей дореволюционного Петербурга. Здесь жили героические борцы с огнем, их кони и козел, а теперь — торгуют кроссовками	166
Здесь снимал дачу Пушкин, а потом построили доходный дом с собачьим питомником	174

КРАСНЫЙ ЦИКЛ

Здесь жил Красин — инженер и организатор, придумавший вооруженное восстание в 1905 году и опасавшийся его в 1917-м	186
Здесь Ленин под винограды и пирожки писал «Декрет о земле»	194
История станции Цветочной, с которой лишь однажды в путь отправились пассажиры. Это были Ленин, Крупская, Бонч-Бруевич и их соратники в 1918 году	202

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ВРЕМЯ

Дом «Иностранный ударник» — кооператив для немцев, финнов и венгров, помогавших СССР в индустриализации	212
«Все ходят в темной одежде, в табачных магазинах нет открыток», — как Иван Билибин вернулся в Ленинград из эмиграции	220
Жилища физиков и лириков	232
История собирательницы антиквариата, жившей так, будто революции не было	242

БОГЕМА И АНДЕГРАУНД

Здесь разворачивался скандальный роман Маяковского и обитал Шаляпин	260
Дача художника Верещагина, где он не успел пожить	272
Здесь Петров-Водкин писал своих «мадонн»	282
Дом конкурента Нобелей и Ротшильдов. За офисной работой в этом здании скучал Марк Шагал, а Олега Гаркушу в саду поколотили гопники	294
Здесь Цой и Майк сыграли подпольный концерт. Все благодаря подготовке к капремонту!	308

ВИНЕГРЕТ

Скромный дом первого российского чемпиона-велосипедиста	320
Как чуть не засыпали канал Грибоедова	332
Куда петербуржцы ездили в отпуск во время Первой мировой? Где обшивали модниц Ленинграда?	342
Старейшие петербургские бани. Скульптуры на их фасаде изваял основатель пионерии	354
Благодарности	362
Все о фотографах	364

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ШИШКИНА

Но, впрочем, город мало изменился.

Анна Ахматова

Привет, друзья! Это уже вторая книга, в которой мы, Алексей Шишкин и Эля Новопашенная, рассказываем удивительные истории петербургских домов и их жителей.

В декабре 2017 генеральный директор интернет-издания «Бумага» Кирилл Артеменко на пару со мной придумал еженедельную e-mail рассылку о петербургских зданиях, связанных с ними людьми и событиях. Вскоре к проекту подключилась Эля, а еще пару лет спустя издательство «Бомбора» предложило собрать лучшие письма под книжной обложкой. Мы с радостью согласились. Но всего за несколько месяцев до того вышла книга моих друзей, Максима Косьмина и Юли Галкиной, «Истории домов Петербурга, рассказанные их жителями». Сборнику историй проекта «Удивительные истории петербургских домов и их жителей» требовалось новое имя, под которым книжки, выпущенные к тому же одним издательством, не перепутали бы на полках.

Вместе с другими сотрудниками «Бумаги» мы собрались в уютной мансарде на Петроградской стороне и за пару часов сочинили с полсотни вариантов, от банальных до безумных. Остановились на «За фасадом», и, кажется, это точное название. Ведь в книге почти нет достопримечатель-

ностей первого ряда. Речь часто идет о рядовых с виду домах, таких, которые едва ли покажут на обзорной экскурсии по Петербургу. А мы предлагаем заглянуть за повседневный фасад, как за фасад кукольного дома, находя в истории не примечательных с виду зданий примечательные сюжеты.

Первая книга выдержала четыре тиража и попала на полки магазинов в двух вариантах — в твердой обложке и покетбуке. И вот в 2023-м мы с Элей начали готовить к публикации продолжение.

У второго тома «За фасадом» есть существенные отличия от первого. И главное из них — редаKTура. Если для первой книжки мы просто выбрали любимые письма из рассылки и отдали в печать, то ради второго пришлось попотеть. Каждую историю мы по много раз перечитали, исправили фактические неточности и неудачные формулировки, подсыпали новых интересных деталей и вычеркнули несущественные. Каждая глава подготовлена специально для книги, каждая нравится лично мне больше, чем в «почтовом» варианте. В первом томе было пять тематических циклов по пять писем, во втором — циклов семь, в каждом — от трех до пяти историй.

* * *

За пять лет, которые существовала рассылка, мы с Элей написали о более чем трех сотнях петербургских домов. За это время переменялся мир вокруг, переменялись мы сами. Еще пару лет назад я часто говорил, что краеведение — это хороший способ «присвоить» город.

Изучая старинные здания, мы выстраиваем эмоциональную и интеллектуальную связь с каждым адресом. Прогуливаясь в чьей-нибудь компании, можем невзначай бросить: «А знаешь, в этом доме в 1903 году...» — и тут же поделиться любимым историческим анекдотом. Заметив приоткрытую дверь в парадную, можем подняться по истертой лестнице с особым чувством, зная, что те же ступеньки перепрыгивал Иосиф Бродский или, скажем, тайский принц Чакрабон. И вот, благодаря таким знаниям и впечатлениям, появляется чувство общности, причастности к пространству. «Это мой город», —

как бы произносит про себя каждый из нас. Ведь мы его изучили, мы понимаем больше, чем видно на первый взгляд.

Теперь я думаю, что все происходит ровно наоборот. Не мы присваиваем город, а Петербург — нас. Он, построенный не из кирпичей, но из миллионов человеческих судеб, стоял, когда мы не родились, и останется, когда мы исчезнем с его улиц. Но «под аркой на Галерной / Наши тени навсегда», — написала в 1913 году Анна Ахматова. Каждый из нас отдает свое время, свои мысли и чувства городам, которые мы навещаем или в которых живем, про которые читаем и пишем. И чем глубже мы погружаемся в их историю, тем крепче вплетаем в нее самих себя.

Наши следы остаются в петербургских, берлинских и таллиннских подворотнях. Может быть, повезет, и однажды их разглядит в тенях въездливый краевед.

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭЛИ НОВОПАШЕННОЙ

Привет! Как в первой книге и в ряде писем, я подхватываю Лешин рассказ. Он закончил свое предисловие на литературческой части, я же с нее начну.

На еврейский праздник Песах принято говорить: «На следующий год — в Иерусалиме». Это вовсе не значит, что все гости обещают взять билеты и ровно через год приехать в Израиль. Мы обещаем другое: хранить уверенность вернуться и встретиться вновь. Мы говорим: «Мы обязательно вернемся сами, через своих детей, воспоминаниями, песнями, книгами». Это обещание без срока, из которого вырастают надежда и сила оставаться собой, оставаться людьми, когда нас испытывает судьба и история.

Писать о Петербурге, не видя свой город своими глазами уже два года, было для меня делом странным. Недаром больше всего пометок, когда мы вычитывали письма, гласили: «проверить», «оно осталось?», «они не закрылись?».

Но еще это дело — очень личное. Ведь раньше я гуляла по Петроградке каждый день, теперь я гуляю там по гугл-картам или во снах. Я думаю, некоторые читатели тоже. Как и некоторые герои нашей книги — люди, родившиеся в Петербурге, но большую часть жизни проводившие в эмиграции. И все-таки я верю, что любовь к городу, как настоящее чувство, не боится разлук и расставаний. Я надеюсь, что если вы пока не чувствуете то же, то

обязательно почувствуете, прочитав эту книгу.

В конце 2023 года я смотрела много новогодних и рождественских фильмов. Там все очень хорошо кончается, есть счастливая случайность, а люди за одну ночь находят своих. Вообще, я не верю в счастливые финалы. Но когда я думаю про Петербург, я на кончиках пальцев ощущаю магию, невысказанную теплоту воспоминаний, я думаю о том, как «срезать через двор», я вспоминаю, какой теплый бывает дождь, я откусываю сметанник Фокина и запиваю его уже в WöD. Жизнь в Петербурге — это было кино. И я часто проходила мимо, не видя его. Если вы покупаете эту книгу, поднимите голову и посмотрите в чужое окно, в чужой дом. Они расскажут вам историю, которую не сочинить сценаристам.

Я не верю в хэппи-энды в кино. Но Ольга и Булат случайно встретились и провели потом вместе всю жизнь, принц Чакрабон увез свою Катю из революции, «Летучая мышь» встретила своего погибшего возлюбленного спустя 30 лет, а старуха Голод на руках губернаторских телохранителей наконец увидела свои сокровища в музее. В Петербурге такие истории возможны, и в этой книге вы сможете о них прочитать.

Теперь несколько более приземленных ремарок. После выхода первой книги нас иногда спрашивали про источники и список литературы. Мы

осознанно не даем его в конце, но каждую цитату внутри письма даем в кавычках и с указанием авторства. Если вам понадобятся конкретные ссылки, вы всегда можете нам написать. Также после выхода первого тома мы, как все начинающие авторы, неотступно и нервно следили за комментариями и отзывами. Порой люди были разочарованы, потому что про дома в книге было мало, а намного больше — про жителей. Так вот, сразу разрушу ваши ожидания: в этой книге про дома еще меньше, чем в предыдущей. Адрес для нас — это место действия, сцена, палимпсест судеб, а не

главный герой. Наши герои распределены тут по семи отдельным циклам, так что просто выбирайте тех, кто вам ближе или интереснее, и начинайте читать с любого места!

Итак, друзья, на следующий год в Иерусалиме! — мы обязательно встретимся, и мы ничего не забудем. Мы встретим своих — в песнях и книгах, в жизни и в соцсетях. В Петербурге в историях возможно чудо, а для меня это — событие с очень маленькой степенью вероятности. И я искренне верю, что свобода — это верить в чудеса.

Берлин глазами журналиста
ТГ-канал Эли Новопашенной

ЖЕНЩИНЫ В МУЖСКОМ МИРЕ

От Эли:

«Я пишу это предисловие и думаю, как это странно. Я родилась в семье инженеров и математиков, но решила заниматься гуманитарными науками. И вот у нас на полках будет стоять уже вторая моя книга. Очень страшно и порой невыносимо тяжело идти не со всеми, искать себя и пробовать что-то новое. Особенно женщинам. Я безумно рада, что книга открывается циклом про отважных и бесстрашных — про женщин, первых в своем деле: архитекторов, активисток, писательниц, журналисток. Некоторые имена вы знаете, а некоторые, к сожалению, были забыты. Так, книги Айн Рэнд (еврейской девочки Алисы, родившейся в Петербурге в 1905 году) стоят почти в любом книжном. А про девушку, ставшую символом женской эмансипации начала века и в то же время жертвой жестокой травли, Анну Дитерихс, знают только специалисты.

Этот цикл открывается моим пожеланием: пусть имена наших предшественниц снова обрстут историями и найдут свои адреса, а современные талантливые и сильные женщины добиваются всего задуманного — не через тернии и общественное неодобрение».

КАК КИЕВЛЯНКА, УЧИВШАЯСЯ В ПЕТЕРБУРГЕ, СТАЛА СИМВОЛОМ ЭМАНСИПАЦИИ ДЛЯ ВСЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Невский проспект, 96, улица Маяковского, 1

Эта история не столько про дом, сколько про его обительницу, облик которой стал одним из визуальных символов эмансипации конца XIX столетия. А заодно и про женское образование, за право на которое боролись несколько поколений российских женщин.

Одной из важнейших тем для дискуссии в российском обществе середины XIX века было предоставление женщинам права получать высшее образование. Ни в среде чиновников, ни в самих образовательных учрежде-

ниях не было единого мнения о том, стоит ли допускать девушек в университеты.

В 1863 году правительство готовило новый университетский устав. В связи с этим вузы спросили, считают ли они возможным допуск женщин к занятиям на правах вольнослушательниц.

В университетах Москвы и Тарту выступили категорически против, Петербург и Казань высказались за, а администрации Харьковского и Киевского университетов предложили дать сту-

денткам равные права с мужчинами. Харьковчане оказались самыми прогрессивными: они выступили за возможность для выпускниц занимать государственные должности.

В итоге устав приняли в наиболее консервативной версии. Жаждавшие учиться девушки со средствами получали образование за границей, прежде всего в Швейцарии. Но и борьба за право учиться внутри Российской империи не утихла.

Общественные деятельницы Евгения Конради, Надежда Стасова и другие, да и многие деятели-мужчины, например педагог и организатор образования Николай Вышнеградский, активно продавливали идею высшего образования для женщин хотя бы в отдельных специализированных заведениях.

Первые так называемые Высшие женские курсы были открыты почти

одновременно в Петербурге и Москве в 1869 году. Постепенно их число возрастало, а образование, которое они давали, становилось все более фундаментальным. В 1872 году при Медико-хирургической академии открылись Высшие женские медицинские курсы, и, наконец, в 1878-м — Бестужевские курсы — фактически женский университет с систематической программой и несколькими разными отделениями-факультетами.

На улицах крупных городов появился новый типаж — «курсистка», прогрессивная девушка, получающая высшее образование.

Курсистки имели свой узнаваемый стиль. Вот как описывает его искусствоведка Ольга Хорошилова: «Курсистки носили строгие костюмы и не любили красивых ювелирных безделушек. Их повседневной весенне-летней одеждой были шерстяные темных

Н. Ярошенко. «Курсистка», 1883

тонов юбки, белые блузы с отложным воротником, под который иногда повязывали косынку или галстук „ней-ви“, завязанный широким и свободным морским узлом. В более холодное время предпочитали надевать тайеры и строгие закрытые шерстяные платья темных тонов... Невысокий воротничок и манжеты иногда гарнировали кружевами... Среди курсисток была распространена простая гимназическая прическа — гладко расчесанные волосы, собранные в тугую косу и перехваченные темной лентой».

В живописи символом женской эмансипации стала картина художника Николая Ярошенко «Курсистка», впервые выставленная на передвижной выставке 1883 года.

Картина (которая сегодня кажется более чем безобидной!) мгновенно вызвала скандал. Мало того, что она стала самой популярной у публики, так еще и вызвала буквально полярные отзывы в прессе. Художественный критик «Санкт-Петербургских Ведомостей» Александр Ледаков, например, описал картину следующим образом: «Бегущая во все лопатки, под вечер, по улице, отрепанная, антипатичная девица, с выпученными глазами, в шапке набекрень и с пледом на плечах».

Еще жестче высказался о «Курсистке» киевский правовед и публицист Петр Цитович:

«Полюбуйтесь же на нее: мужская шляпа, мужской плащ, грязные юбки, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвет лица, подбородок вперед, в мутных глазах все: бесцель-

ность, усталость, злоба, ненависть, какая-то глубокая ночь с отблеском болотного огня — что это такое? По наружному виду — какой-то гермафродит, по нутру подлинная дочь Каина. Она остригла волосы, и не напрасно: ее мать так метила своих Гапок и Палашек „за грех“... Теперь она одна, с могильным холодом в душе, с гнетущей злобой и тоской в сердце. Ее некому пожалеть, об ней некому помолиться — все бросили. Что ж, быть может, и лучше: когда умрет от родов или тифа, не будет скандала на похоронах».

В то же время для либеральной публики картина стала одним из символов перемен в обществе. Глеб Успенский посвятил «Курсистке» целый очерк в «Отечественных записках». В наше время его слова звучат неловко и даже обидно, но для той эпохи были очевидно хвалебными: «Художник, выбирая из всей этой толпы „бегущих с книжками“ одну самую ординарную, обыкновенную фигуру, обставленную самыми ординарными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженных волос, тонко подмечает и передает вам, „зрителю“, „публике“, самое главное... Это главное: чисто женские, девичьи черты лица, проникнутые на картине, если можно так выразиться, присутствием юношеской, светлой мысли... Главное же, что особенно светло ложится на душу, это нечто прибавившееся к обыкновенному женскому типу — опять-таки не знаю, как сказать, — новая мужская черта, черта светлой мысли вообще (результат всей этой